

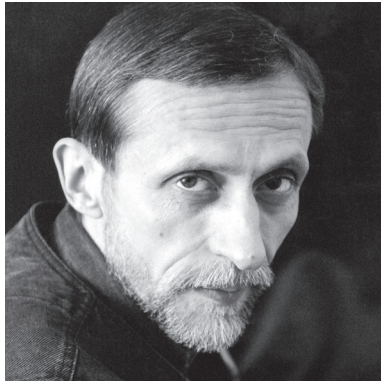
ВАЛЕРИЙ
КОТЕЛЕНЕЦ

РУКОПИСЬ

Handwritten text in Cyrillic script, including the word "Точность" (Accuracy) and "Словко" (Word).

AF

ВАЛЕРИЙ
КОТЕЛЕНЕЦ

РУКОПИСЬ

СТИХОТВОРЕНИЯ

БАРНАУЛ
2015

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
К731

12+

Книга издана на средства краевого бюджета
по результатам краевого конкурса
на издание литературных произведений

Котеленец В.С.
К731 Рукопись. Избранные стихотворения / Валерий Котеленец ; Управление Алтайского края по культуре и архивному делу, Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В. Я. Шишкова. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2015. – 176 с. – (Победители краевого конкурса на издание литературных произведений).

ISBN 978-5-98550-354-8

В книгу избранных стихотворений поэта и прозаика Валерия Котеленца вошли произведения, созданные в период с конца 70-х годов прошлого века до настоящего времени, как публиковавшиеся ранее, так и представленные впервые.

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5

ISBN 978-5-98550-354-8 © В.С. Котеленец, 2015
© КГБУ «Алтайская краевая универсальная научная библиотека им. В.Я. Шишкова», 2015

СТИХОТВОРЕНИЯ

Татьяне

Ещё не успели проститься,
но смутно, как будто из сна,
рука твоя загнанной птицей
забилась в проёме окна.

И сразу же целая стая
таких же испуганных птиц
вспорхнула, тебя заслоняя,
с перрона спугнув проводниц.

«О, Господи! Дай хоть минуту –
вбежать напоследок в купе!..
О, Господи! Только минуту!..»

Но Он не расслышал в толпе.

1979

В Летнем саду осыпаются липы.
Плавают ржавые листья в пруду.
Дождь нескончаемый. Вздохи и всхлипы
ветра осеннего в Летнем саду.

Люди в плащах торопливы и хмуры.
Дворник метлою скребёт тяжело.
Только Психея глядит на Амура,
не замечая, что лето прошло.

1980

Неужели я буду когда-то –
вот таким же седым стариком –
так же, палкой стуча суковатой,
по вокзалам скитаться с мешком?
И, присев в уголочке устало,
неужели я буду тогда
ждать не важно какого состава,
что идёт безразлично куда?..

1980

Может, это и есть оно – счастье,
что ты ищешь всю жизнь напролёт?
После странствий домой возвращаться,
где тревожится кто-то и ждёт,
где на стук твой окно озарится,
окатив тебя тёплой волной,
и за дверью вздохнёт половица,
и послышится голос родной...

1981

Никуда не уйти от былого,
что нависло, как меч роковой.
Обернёшься – и слышится снова
обжигающий свист за спиной.

Это память тебя настигает,
как убийца идёт по следам.
А она снисхожденья не знает,
запоздалым не верит слезам.

Глубже голову в плечи вбирая,
ты бежишь без оглядки вперёд –
до последнего самого края...
Словно там избавление ждёт.

1982

Тихий свет в окне заиндевелом,
силуэт, впечатанный в стекло,
затянуло занавесом белым
и бинтами вьюги оплело.

Это всё забудется наверно,
всё умрёт и сгинет без следа.
Только снег поскрипывает нервно:
«Ни за что! Нигде! И никогда!..»

Только ветер в ухо напевает:
«Оглянись, чтоб вечно помнил ты,
как любимой плечи обвивают
ледяные руки пустоты...».

1982

К друзьям наведываясь в гости,
как оттянувший плечи груз,
в прихожей вешаю на гвоздик
свою поношенную грусть.

Я отхожу, отогреваюсь,
шучу со всеми наравне.
И понемногу забываюсь.
И так легко бывает мне.

А грусть, покуда не тревожа,
на время душу не садня,
висит на гвоздике в прихожей
и дожидается меня.

1982

Туман гуляет по долине.
Мир проявляется из тьмы.
Ещё чуть-чуть – и светлый ливень
плеснёт на тёмные холмы.

И солнце явится меж ними,
как в распахнувшейся двери.
И ножницами золотыми
разрежет ленточку зари.

1984

Аукает ветер в пустых подворотнях.
Но кануло лето – кричи не кричи.
Уж осень в плаще и охотничьих броднях
по лужам хрустящим гуляет в ночи.

Размеренно каркают в небе вороны,
как будто и дела им нет до того,
что скоро зима, что осыпались кроны,
что дали поблекли и поле мертво.

И к солнцу, что, прячась за рощей убогой,
натужно струит остывающий свет,
уходит, в грязи утопая, дорога,
и брызги заката стекают в кювет...

А утром проснёшься – мурашки по коже,
когда, замерев, припадаешь к окну...
Как всё-таки поздняя осень похожа
на раннюю – только с дороги – весну...

1984

Скоро уж слышно не станет
шороха снежных страниц.
Тополь в окошко протянет
полные пригоршни птиц.
Пригоршни неба сквозного,
новорождённой листвы.
Скоро поверится снова
в щедрую душу весны.
В то, что и мёрзлые кочки
вновь оперятся травой.
В то, что последние точки
ставить нам рано с тобой.

1984

ПАМЯТИ МАТЕРИ

1

На погосте оркестрик хрипит.
И дрожащие горбятся спины.
И доска гробовая гремит
под промёрзшими комьями глины.

Музыканты уходят. Пора...
В горле комьями боли застряли
те слова, что забыли вчера,
а сегодня сказать – опоздали.

Вот и всё... Нету силы идти
в эту жизнь, в эту тьму без просвета,
где последнее наше «прости»
никогда не дожждётся ответа.

Вот и всё... Только холод и мрак.
Только крик на все стороны света:
«Что же дальше-то? Дальше-то как?..»
Словно кто-нибудь ведаёт это.

2

Опять, замерев осторожно,
за ручку дверную берусь.
И слух напрягаю тревожно.
И ключ повернуть не решусь.
Опять я стою и не верю,
что пуст по-сиротски наш дом,
что ты не хлопчешь за дверью
в халатике старом своем,
что некому больше на свете
сказать, отпирая замок,
слова немудрёные эти:
- Ну что ж ты так поздно, сынок?..

3

Над пристанищем вечным твоим
шелестят облака и года.
Все дороги ведут не в Рим –
все дороги ведут сюда.

Спи, родная. Так много лет
ты как следует не спала.
Здесь не надо вставать чуть свет
и кружить от печи до стола.

Не латать тебе больше дыр
и не плакать на кухне тайком.
Спи. Твой сумрачный тихий мир
где-то там – за добром и злом.

Спи. В свой час по следам твоим
я приду к тебе навсегда.
Все дороги ведут не в Рим –
все дороги ведут сюда...

1984

Как шумные стаи кочующих птиц,
что где-то в пространствах неведомых тают,
бессчётные множества судеб и лиц,
тревожа, сквозь сердце моё пролетают.

Одни исчезают почти без следа,
другие свивают недолгие гнёзда.
Зачем пролетают они и куда,
как тусклые тени и жгучие звёзды?

И нет им начала, и нет им конца,
и многим из них никогда не вернуться...
Я сам пролетаю сквозь чьи-то сердца,
порою назад не успев оглянуться.

1984

В переулке безлюдно и глухо.
Только ставнями ветер стучит.
Только ветхая эта старуха
у ворот на скамейке сидит.

Прогремит по дороге машина,
каблуки простучат у крыльца –
ни единой не дрогнет морщиной
неподвижный пергамент лица.

Словно времени смысл постигая
и не в силах постигнуть пока,
всё глядит она вдаль, не мигая,
сквозь деревья, дымы, облака...

1985

Вздыхая потихоньку и ворча,
хромой старик с тяжёлою лопатой,
негнущуюся ногу волоча,
на взгорок поднимается покатый.

Ступени вырубает на пути,
заваленном февральскими снегами,
чтоб легче было людям вверх идти
здоровыми и крепкими ногами.

Он рукавицей смахивает пот,
недобрым словом старость поминает.
А снег идёт. Всё гуще снег идет.
И свежие ступени замечает.

1985

Дорога тянется к закату –
две вбитых в глину колеи.
Он и она бредут куда-то
и думы думают свои.

Она в заштопанном жакете.
Он в телогреечке худой.
Невесть зачем на этом свете
связало их одной судьбой.

Любви в помине не бывало.
Детьми Всевышний обделил.
Расстаться духу не хватало.
И вместе белый свет не мил.

Так и брели по жизни, маясь.
И доживут века свои,
не расходясь и не сближаясь,
как две разбитых колеи.

1985

Полусобака-полуволок.
Две крови, спорящие в жилах.
Он знает свой собачий долг.
И волчий долг зыбыть не в силах.

Кровь диких пращуров зовёт:
«Ты – волк! Твой родич – ветер в поле...»
Ошейник – прочь! Он чует волю.
И кур соседских в клочья рвёт.

Он волк. Он ловок, смел и дик.
Он в степь летит на запах стаи...
Но, услышав хозяйский крик,
вдруг заюлит, хвостом виляя.

Назад на брюхе приползёт,
в свободе волчьей разуверясь.
А сам не знает наперёд:
иль руку преданно лизнёт,
иль в горло вцепится, ощерясь?..

1986

Здесь белая церковь когда-то была.
Снесли, словно головы с плеч, купола.
Крапивой заросшие, еле видны
останки щербатой кирпичной стены.

Заброшенный сад. А за ним – огород,
где сизый укроп и капуста растёт,
где ветхое пугало – руки вразброс –
стоит на ветру, как распятый Христос...

1986

В бесцельной суетлоке,
в поисках напрасных
проходят наши лучшие года.

Мы – только куколки
тех бабочек прекрасных,
которыми не станем никогда.

1986

Зачем ты ходишь по аллее,
в карманы руки запустив,
и, чтоб казаться веселее,
мурлычешь пошленький мотив?

Зачем ты смотришь на запястье,
где стрелок чёрные ножи
кромсают медленно на части
не время жалкое, а жизнь?

Зачем под звёздами слепыми
ты бродишь, бредя как больной,
и, как молитву, шепчешь имя
беспутной женщины одной?

1987

Будет ночь соловьёв и зарниц.
Будет на пол стекать одеяло.
Лепестки своих гибких ресниц,
засыпая, ты сложишь устало.

Ты заснёшь и пробудишься вновь,
чуть стыдясь наготы и бледнея.
Будет длинная-длинная-длинная ночь.
Ночь, которая жизни длиннее.

1988

Гасит дождь осенние костры,
дым к земле холодной прибывая.
Как давно я не был у сестры!
Словно нету в городе трамвая.

Не сходить ли? – думаю порой –
машинально, просто по привычке.
Как чужие стали мы с сестрой.
Брат уехал к чёрту на кулички.

Не с кем по душам потолковать,
некому открыться по секрету.
Если бы жила на свете мать...
Но её давно на свете нету.

С чёрных веток падает листва.
Не горят намокнувшие спички.
Что у нас осталось от родства,
кроме умирающей привычки?

Гасит дождь последние костры,
дым к земле холодной прибывая.
Как давно я не был у сестры!
Как гремят за окнами трамваи!

1988

Мир накренился в крутом вираже.
Небо трещит от созвездий.
Счастье живёт на шестом этаже
в нашем подъезде.

Надобно только очнуться душе
и воспарить невесомо...
Счастье живёт на шестом этаже
пятиэтажного дома.

1988

Я искал тебя долго такую
на безлюдных дорогах мечты.
Но, в холодные губы целуя,
вдруг увидел, что это... не ты...

Только прочь мы рвануться хотели,
чтоб скорее друг друга забыть...
Но срастись наши губы успели,
руки корни успели пустить.

1988

ПЕРЕЕЗД

По лестницам взбираются рояли,
серванты и, кряхтя как старики,
ползут шкафы, что много лет стояли
в каморках, подпирая потолки.
Комод разбитый лестницу утюжит.
Грузнеют понемногу этажи.
И в новые квартиры вносят ту же
потертую, потрепанную жизнь...

Мигают звезды в далях заоконных.
Все в доме спят и видят чудеса.
И раздувает ветер на балконах
подштанников тугие паруса.

1988

Хорошо живётся Сане –
городскому дурачку.
У него пятак в кармане.
Саня рад и пятакчу.

Купит Саня шарик синий
и запустит в небосвод.
Или в книжном магазине
книжку детскую возьмёт.

Очень книжки любит Саня,
чтоб картинки во весь лист.
Ничего, что он с усами,
но зато по-детски чист.

Подарили гимнастёрку
настоящую ему.
Он смеётся от восторга,
он безумно рад всему.

Рад, что солнце, рад, что ливень,
что зимою белый снег.
Всех на свете он счастливей –
Саня – божий человек.

1988

Последние стаи летят.
Деревья стоят сиротливо.
Что ищет в тумане твой взгляд?
Меж туч голубого разрыва.

Быльём порыжелым шурша,
ветра пустыри отпевают.
О чём загрузила душа?
А кто её, глупую, знает.

О птицах, кричащих навзрыд.
О том, что с пустеющих веток
листва всё летит и летит,
как старая, рваная ветошь.

О том, что в саду городском
тебе отменили свиданья.
О чём-то щемящем таком,
чему не бывает названья.

О том, что к ветвям не пришьёшь
листву, улетевшую в Лету.
О том, что живёшь и живёшь,
а счастья всё нету и нету.

1988

Я не хочу молиться
кумирам и вождям.
Хочу молиться птицам,
деревьям и дождям.

Я не хочу зубами.
Локтями не хочу.
Хочу душой, крылами.
Хочу куда хочу.

Налево и направо,
на запад и восток.
Ласкать ногами травы
и тёплый прах дорог.

И где-нибудь в овраге
оставить вам в залог
казённые бумаги,
часы и кошелек.

1988

ШАРИК

Человек худой стоит
у газетного киоска.
Он недели три небрит.
Сыплет пеплом папироска.

Он бормочет что невесть,
по карманам мелочь шарит –
хочет сыну приобрести
голубой воздушный шарик.

Шарит, шарит, шарит он
по карманам телогрейки,
выворачивает вон,
а в карманах – ни копейки.

Только крошки табака,
папиросная коробка,
пол засохшего сырка
да бутылочная пробка.

Машет он в сердцах рукой
и уходит, сгорбив спину,
рассуждая: «Ну на кой
сдался шарик этот сыну?..»

1988

1937

Грают в поле вороны –
чёрные, как ложь.
На четыре стороны
правды не найдёшь.

«Кто там ночью шастает?»
«Бог с тобой, молчи!
Это смерть глазастая
ищет нас в ночи».

Ночь железом звякает,
вскрикивает: «Нет!»,
чёрной жирной слякотью
замывает след.

Жизнь такая быстрая
и совсем за зря.
Хлопают, как выстрелы,
флаги октября.

И деревья голые
вышли на восход,
словно за околицу
их ведут в расход.

1989

В деревне этой дикая тоска.
Такая, что завоешь, как зверюга.
На клубе два увесистых замка.
А на афише – матерная ругань.

А мне ещё почти неделю здесь
душою неприкаянной томиться.
Одно спасенье – за деревней лес,
поляны земляничные и птицы.

И, слава богу, есть ещё река
и жёлтый плёс, и синие излуки...
И есть куда сбежать ещё пока
от этой пьяни, пошлости и скуки.

1989

Упаду на жёсткую траву,
голову ладонями сожму.
Ну зачем, зачем я так живу –
попусту, ни сердцу ни уму.

А в траве другая жизнь идет,
в чём-то очень схожая с людской.
Муравей соломинку несет –
крест свой вечный, крест нелёгкий свой.

Тащит в муравейник под сосной,
а его давно сожгли дотла.
Тащит, хоть и сгинул кров родной,
хоть остались пепел да зола.

Я ведь так похож на муравья
в разорённом, гибнущем лесу.
Жизнь моя, соломинка моя,
ну куда же я тебя несу?..

1989

Над поверженным злом торжествуя,
так легко в упоении слепом
заступить за черту роковую,
где добро обращается злом.

И с тупым постоянством закона
повторяется всё под луной.
И герой, победивший дракона,
обрастает его чешуёй.

1989

Шимпанзе не хочет есть селёдку.
Он забился в угол и притих.
И стоскою смотрит сквозь решётку
на ораву родичей своих.

Те у клетки лезут вон из кожи,
родственное видя существо,
топают, хохочут, строят рожи
и едой швыряются в него.

Гражданин подсаживает сына
и кричит наверх ему: – Сынок!
Погляди, какая образина –
врезать так и хочется разок!..

Дама с необъятною фигурой
тычет пальцем, наставляя дочь:
– Мамочку не будешь слушать, дура,
вот такой же вырастешь точь-в-точь!..

А под вечер шаткою походкой
двое с перепоею забрели.

– Глянь, Андрюха!..
Кто там – за решёткой?..

– Сматывайся! Лёху замели!..

1989

В этой сказке простой и банальной
дурака не Иваном зовут.
И не ждёт его замок хрустальный.
И полцарства с царевной не ждут.

Замордованный жизнью постылой,
он опустится, зелье запьёт.
А в финале нечистая сила
вокруг пальца его обведёт.

И навеки заснет он, сжимая
тьнь синичью в пустом кулаке...
Сказка кончится. Будет другая.
Но уже о другом дураке.

1989

Убереги меня от злости
на мир, летящий в никуда.
Мы в мире этом только гости.
Погостевали – и айда.

Убереги меня от гнева
на жизнь, погрязшую во зле.
Кто знает, что такое небо,
тому не страшно на земле.

1992

И снова этот сон зловещий,
неотвратимый, как беда,
в котором поезд сумасшедший
нас всех уносит в никуда.
Туда, где время умирает,
где солнце чёрное встаёт...
И ходу, ходу набирает.
И рельсы кончатся вот-вот...

1993

Эта птица как ночь темна,
а в глазах её – лютый лёд.
Прилетает ко мне она
и сердце мое клюёт.

А другая – как день светла –
без конца отгоняет её.
И серебряным взмахом крыла
исцеляет сердце моё.

И кружат они надо мной,
возвращаясь одна за одной.
А когда перестанут кружить,
то и я перестану жить.

1993

Свободы нет. Искать её – нелепо
и в горней вышине, и на земле.
Душа у тела и земля у неба,
и жизнь у смерти – в вечной кабале.

И мы с тобой повязаны так прочно,
что разорвать нельзя ни узелка.
Свободы нет. На этом свете – точно.
Ну а на том я не бывал пока.

1993

Эта мысль настигает везде,
эта мысль не даёт житья:
«А какая на Страшном суде
ожидает меня статья?..»

1993

Время в прах обратит города.
Зарастут лебедою дороги,
где уже не оставит следа
человек, позабывший о Боге.

И, тяжёлую сбросив суму,
всех грехов, что скопились на свете,
наши души, как блудные дети,
возвратятся к Отцу своему...

1993

Этот холод во мне,
эта вечная стужа вокруг...
Отогрей мою жизнь
теплотой нескудеющих рук.

Ну а если ничем
ледяной не оттаять души,
то хотя бы глазок
в голубую весну продыши.

1993

Ты не жди меня под вечер
на холодном берегу.
Крест, что взвален мне на плечи,
я отринуть не могу.
Не берёт души остуда.
Божий свет со всех сторон...
Ты плыви, плыви отсюда.
Ты не жди меня. Харон.

1993

Разлетайтесь, вороны,
на четыре стороны,
крыльями не застите небес.
Вы поймите, вороги,
что глаза мне дороги
и душа нужна мне позарез.

Будет ваше времечко.
Смерть задышит в темечко.
Вот тогда я крикну в небеса:
– Прилетайте, вороны,
прилетайте, чёрные!
Клюйте мои грешные глаза!..

1993

Когда душа взмывает в поднебесье,
невыразимой радости полна,
тем самым нарушает равновесье
двух противоположностей она.

И, упиваясь радостью высокой,
она сейчас не ведает о том,
что болью неминучей и жестокой
за этот миг расплатится потом...

1993

Отдавать долги приходит время.
Многим на земле обязан я.
Только чем расплачиваться с теми,
кто уже за гранью бытия?
С теми, кто бессонными ночами
надо мной, как призраки, стоят
и своими звёздными глазами
молчаливо в душу мне глядят...

1993

Золотая труха листопада.
Уходящего тихая грусть.
Сожалеть об ушедшем не надо –
всё равно не вернётся. И пусть.

А вернётся – не будет покоя,
словно умерло что-то в душе.
Возвращается нечто другое –
не такое, как было уже.

Наше завтра темно и сурово.
Наше нынче не краше того.
Но за нами последнее слово –
мы когда-нибудь скажем его.

Посмотри в это серое небо,
загляни в наступающие дни,
белым хлопьям грядущего снега
безоглядно ладонь протяни...

1993

Что-то уходит из нас постоянно –
медленно и навсегда,
будто из плохо закрытого крана
капля за каплей вода.

Кап! – и на каплю душа убывает.
Кап! – и еще на чуток...

Сколько осталось?
А Бог его знает.
Может, последний глоток...

1993

За этой рекою широкой
всегда тишина и покой.
Там берег, заросший осокой, –
далёкий, зелёный такой.

Там синее-синее небо.
И мама на том берегу...
Туда переправиться мне бы,
да я переплыть не могу.

Когда-нибудь – в свете заката
ещё не известного дня –
туда за пустячную плату
свезёт перевозчик меня.

1993

Что принесёт нам этот новый год?
Каких ещё подарков посулит?
Он, как и предыдущие, пройдёт.
И даже не пройдёт, а пролетит.

И снова снегом скрипнет у дверей
очередной обманщик Дед Мороз.
И станет голова моя светлей
на 365 седых волос.

1993

А когда возмездие придёт,
уповать не будем на везенье.
Если нас Всевышний не спасёт,
значит мы не стоили спасенья.

1994

И обожжёт тебя однажды –
как спичкой чиркнет по душе –
что ты не зверь ещё пока что,
но и не человек уже...

1994

Так случилось.
Не твоя вина,
что любовь была обречена.
Обожгла –
и сгинула в мгновенье.

Почему же
в памяти своей
вечно возвращаешься ты к ней,
как убийца
к месту преступления?

1994

Февраль сошёл с ума
и мечется в припадке.
Февраль сошёл с ума,
а с психа взятки гладки.
Ну что ж – валяй, дружок,
бушуй, маши руками,
вали прохожих с ног,
заваливай снегами.
Неистовствуй, как бес
из дантовских кошмаров,
пока весна с небес
не вышлет санитаров.
Покуда в слякоть лбом
не ткнут голубизною
и рукава узлом
не стянут за спиною.

1994

Мироздания тьма немая,
непосильная уму...
Страшно жить, не понимая,
отчего и почему.

Что судьбой и жизнью движет?
И каков закон игры?
Кто на ось вселенной нижет
невозможные миры?

Для чего, как зёрна хлеба,
под присмотром звёздных глаз,
жернова земли и неба
перемалывают нас?..

1994

ЛАЗАРЬ

Твой голос возвратил меня оттуда –
из тишины и тьмы небытия.

Но, Господи, скажи: просила чуда,
молила ли о нём душа моя?

За что же, за какие прегрешенья
из гроба ты поднял меня, Христос?
Чтоб вновь узрели горе и мученья
глаза, едва просохшие от слез?

Верни меня в блаженный мир покоя,
во чрево материнское земли.
Закрой глаза отеческой рукою
и камнем вход гробницы завали.

Куда же ты?.. Убей меня, не мучай!
Кто мёртв, тому к живым дороги нет!..
Как больно мне глядеть на этот жгучий,
невыносимый, беспощадный свет.

1994

Ночь ворочается глухо.
Ветви мечутся в окне.
Снова память-потаскуха
не даёт покоя мне.

Тянет липкие ручищи.
Отмахнуться не даёт.
Под землёй – и там отыщет.
В небесах – и там найдёт.

1994

Не всё ли вам равно,
не всё ли вам едино –
есть у меня душа
иль вовсе нет её,
о чём она кричит
и стонет, как сурдина,
о чём она молчит,
о чём она поет,
зачем она хрипит
и надрывает вены,
покой и здравый смысл
послав ко всем чертям,
сквозь тернии и рвы,
сквозь каменные стены,
сквозь тьму и глухоту
проламываясь к вам...

1994

Пока сияет синий окоём,
как склянка, прополосканная ливнем,
побудь ещё в неведеньи своём –
ребяческом, невинном и наивном.
Как морс через соломинку, цеди
шипучее и сладостное время...
Покуда жизнь не встанет позади
и похотливо не задышит в темя.

1994

Но если смысла нет, зачем всё это,
к чему дурацкий этот балаган
с весьма невразумительным либретто
и шрамами от настоящих ран,
без громко рукоплещущего зала,
без грима пониманья на лице,
но с ожиданьем полного провала
и смертью обязательной в конце...

1994

Опять объегорила подло
любовь, обещавшая рай,
и в чёрную гулкую полночь
ушла, как последний трамвай.

И ты сквозь кромешную темень
бежишь, спотыкаясь, вослед,
в бессильной ладони зачем-то
сжимая вчерашний билет...

1994

Город-ирод, город-ворог,
не хватай меня за ворот –
дай мне дух перевести.
Не бери меня измором –
душу с миром отпусти.

За кирпичными домами,
за фабричными дымами,
за увечными лесами есть
с живой водою ключ.
Отпусти меня – не мучь.

Город-ирод, город-ворог..
Глядя в небо, словно в прорубь,
у обочины стою.
На асфальте бьётся голубь –
ищет голову свою.

1994

СОН

Всё куда-то бегу и бегу.
Да никак добежать не могу.

Всё кого-то ищу в пустоте.
То – не та. То – не тот. То – не те.

Милых лиц исчезают черты.
Позади всё кресты да кресты.

И ни зги, ни звезды впереди.
– Рабудите! – кричу. – Разбуди...

Но кончатся не думает сон.
Сорок лет уже тянется он.

То ли сон. То ли жизнь. То ли бред.
Сорок лет...

1994

Нужно чтобы время отстоялось,
став прозрачным, и осела муть.
И сквозь то, что мнилось и казалось,
проступила истинная суть.

Чтоб листва засохшая опала,
а взамен другая выросла.
Чтоб в душе светло и тихо стало –
ни стыда, ни горечи, ни зла.

И тогда посмотришь ясным взглядом
в прошлого зияющий провал...
И вот это называл ты адом?
И вот это раем называл?..

1994

АВГУСТ

Ещё не время слякоти тоскливой.
Но глазом не моргнёшь – и на порог
взойдёт сентябрь, как путник торопливый,
не отерев забрызганных сапог.

И вдруг повеет холодом. И сразу
пойдёт вразнос привычной жизни ход,
как будто заведённый до отказа –
вот-вот пружину хрупкую сорвёт.

Но август не прошёл ещё. И рано
загадывать, заглядывать вперёд,
считать цыплят, вставлять вторые рамы
и жизни предъявлять суровый счёт.

Ещё теплынь. И пахнет резедою.
И в гулком небе звёзд полным-полно...
В садовой кадке с тёмною водою
мерцают листья, падая на дно.

1994

Душа летает по ночам
за невозможные пределы.
А что бывает с нею там –
того и знать не знает тело.

Оно лежит и сны глядит,
пока хозяйка не вернётся...

А вдруг серебряная нить
сейчас возьмёт и оборвётся?..

1994

Осень грядёт.
Как и следует – следом за летом.
Астры цветут.
А листва пожелтела почти.
Время идёт.
Но не стоит, не стоит об этом.
Так уж ему и положено свыше –
идти.
Время летит.
Но ведь этим оно и прекрасно,
что испокон
не стоит на месте ему.
Кто нам сказал,
что листва истлевает напрасно?
Кто нам солгал,
что и мы не нужны никому?

1994

Ночь вздыхает, щёлкает, стрекочет,
шелестит и стонет вдалеке,
что-то непонятное бормочет
на своём заумном языке.

Шумный бор толпится за деревней.
Плачет ветер. Ухает сова.
Вы о чём, тревожные деревья?
Ты о чём, печальная трава?

Подожди, обидчивая птица,
не спеши, не улетай во тьму.
Помоги мне снова научиться
языку родному моему.

1994

В этой жизни злой и бестолковой,
где душою помыкает плоть,
я не сделал ничего такого,
чтобы осудил меня Господь.

Только память не дает покоя,
норовит больнее уколоть:
«Ну а что ты совершил такое,
чтобы полюбил тебя Господь?..»

1994

В море солнце дымное погасло.
Ни трубы, ни паруса вдали.
Кости затонувшего баркаса
волны обглодали на мели.

Чайки надоедливо судачат.
Рыбина у берега гниёт.
И пустая раковина плачет
о душе, покинувшей её.

1994

Однажды ужасом безмерным
я был в ночи разбужен вдруг.
Мне снилось, что я стал бессмертным,
а у меня – ни ног, ни рук.
И я лежу, как зрячий камень,
людьми и Господом забыт.
И Вечность жёлтыми зрачками
злорадно на меня глядит...

1994

Вот и прошла гроза,
будто и не была.
Синяя стрекоза
в воздухе замерла.

Слышишь, гроза прошла –
та, что была в душе.
Только не помни зла –
всё позади уже.

Ясные небеса.
Белые облака.
Синяя стрекоза –
словно любовь, хрупка...

1994

МУЗЫКА

Концерт окончен. Публика ушла.
В гримёрной разливают цинандали.
Но музыка ещё не умерла,
ещё витает в опустелом зале,
парит, уже не слышная ушам,
последним вздохом тающей печали,
как зыбкая, тревожная душа
над телом бездыханного рояля.

1994

Недоступны стены Трои
храбрецам Эллады всей.
Значит, дело за тобою,
хитромудрый Одиссей!

И придумал грек смышлёный
деревянного коня.
И не стало Илиона.
И закончилась война.

Конь сработан был топорно –
торопливою рукой.
Но зато какой просторный,
содержательный какой.

Что же спорим до сих пор мы?
Даже древний Одиссей
понимал, что суть не в форме –
в содержании вещей.

1994

Чем думаешь больше, тем больше вопросов.
А жизнь всё равно коротка.
Стою и гляжу непредвзято и просто:
деревья, земля, облака...
Пыхтит по реке голубой пароходик,
гремит по мосту товарняк...

А время проходит, проходит, проходит...
и всё не проходит никак.

1994

СИНИЦА

Ночами вьюга бесится.
А утром – тишина.
Синица-горевестница,
не вейся у окна.

Сиди да пой на веточке.
Я откуплюсь пшеном.
Но больше чёрной весточки
не приноси в мой дом.

1994

Только ветром отпетая степь.
Только чёрный чертополох...
Почему я ещё не ослеп?
Почему я ещё не оглох?
Почему я ещё зову,
хоть тебе уже всё равно?
Почему я ещё живу,
хоть меня уже нет давно?

1994

Г. И.

Нам не нужны слова,
что у людей в цене.
Камни, деревья, трава –
братья и сёстры мне.

Если чужое зло
сердце моё обожгло,
я не людей зову –
дерево, камень, траву.

К ним прижимаюсь душой
на этой земле большой,
где нет никого родней
деревьев, травы, камней.

1994

Вновь эта боль непомерная,
эта слепящая тьма.
В ночи такие, наверное,
люди и сходят с ума.

Что ты, душа окаянная,
в угол забились, как зверь?
Разве в твои покаяния
кто-то поверит теперь.

Горькие сны и пророчества.
Памяти чёрствый ломоть...
Может, от одиночества
нас и придумал Господь?

1994

НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕК

Звёздно, холодно и пусто.
Спит в тепле честной народ.
В переулке снегом хрустнул
сумасшедший пешеход.

Весь нахохлился, как птица,
сизым инеем зарос.
Ну чего ему не спится
в этот дьявольский мороз?

Ну зачем он в одиночку
ходит-бродит по ночам,
за собой по мёрзлым кочкам
тень худую волоча?

Ну зачем в такую стужу
под луною ледяной
он тревожит мою душу
безысходностью земной?

1994

– Темна душа. Тревожен путь.
И нет просвета...

– Проходит всё когда-нибудь.
Пройдёт и это.

– А страх?

– И страха в свой черёд
не станет боле.

– А боль?

– И даже боль пройдёт –
там нету боли...

1994

Мгновенье, остановленное кистью.
Кусок стены. Скамейка. Мокрый сад.
И киноварью тронутые листья,
что с голых веток медленно летят.

Пройдет сто лет. Не станет нас на свете.
Пожухнет холст. И потемнеет сад.
Но так же будут падать листья эти.
И до земли никак не долетят.

1995

Поздно молиться. И каяться поздно уже.
Всадник на бледном коне показался вдали.
Дай напоследок прижаться душою к душе
на островке из-под ног уходящей земли.

Знает лишь Отче Небесный, чьи души спасти.
Час приближается. Вечность подходит к концу.
Дай мне прижаться к тебе и покой обрести.
Это не слезы, а звёзды текут по лицу...

1995

Когда приближается время Стожарам
зажечься на небе ночном,
из щели чердачной, припав к окулярам,
на Вечность глядит астроном.

Он видит тугие шары и спирали
галактик, летящих во тьму.
И кажется, что мироздания дали,
как Богу, подвластны ему...

А после, закончив небесные бденья,
седой, одинокий, ничей,
сидит он на кухне с бутылкой портвейна
и плачет над жизнью своей.

1995

Я переживу горе и беду.
Я переживу голод и нужду.
Ненависть и стыд, злобу и молву,
страх, обиду, боль я переживу.
Всё переживу, веря и любя...
Но не дай мне Бог – пережить тебя...

1995

Прошло. Пролетело. Промчалось.
Из яви – в горючие сны.
Осталась щемящая жалость
да горечь безвинной вины.

– Не мучь! Я ни в чём не виновен! –
кричу невозвратному вслед.

– Виновен! Виновен! Виновен! –
кривляется эхо в ответ.

1995

Кто этот отрок с ясными очами,
Христа напоминающий слегка,
как будто озаряемый лучами?..

Да это же... покорный ваш слуга!

А это кто, уставившийся тупо
из чёрного провала бытия,
чей вид страшной кладбищенского трупа?.

И это – я. И это тоже – я.

1995

Вот и кончился антракт.
Раздвигаются портьеры...
Новый день – как новый акт
нескончаемой премьеры.

Драма – старая как мир –
вздор, бессмыслица... Однако
потрясает, как Шекспир
в переводе Пастернака.

Утро. Крыши. Облака.
Брюки сохнут на балконе.
У посудного ларька –
Клеопатра и Антоний...

1995

ЭЛЕГИЯ

Вот и осень пришла, беззащитно
жизнь обнажая,
оголяя леса и невзрачную суть бытия.
И во всей наготе – безобразная, злая, чужая –
в тёмном зеркале века душа отразилась моя.

Я такой же, как все. Я не лучше других и не хуже.
Я один из числа. И не мне это время винить.
Но зачем же, Господь, ты вдохнул в меня
вечную душу,
а что делать мне с ней, как на грех,
позабыл объяснить?

По колено в грязи, я брожу по глухому безлюдью,
искажённое болью лицо подставляя дождю,
и промозглую сырость вдыхаю
прокуренной грудью,
и гляжу на закат, и исхода какого-то жду.

Но опустится солнце. И дважды прокаркает ворон:
«Невермор! Невермор!..»
И очнусь неожиданно я.
И пойму, что пора возвращаться
в грохочущий город.
Возвращаться назад – на избитые круги своя.

1995

Последние вздохи зимы.
Последние стоны метели.
Пора уже прятать пимы
и ждать хлопотливой капели.
И жить без царя в голове –
взахлёб, ошалев от азарта...
Раскрыто на первой главе
Евангелие от Марта.

1995

ТЕЧЕНИЕ

Плывёшь, плывёшь, отчаянно гребя.
А жизнь сильней. И сносит по течению.
И сколько ни обманывай себя,
победа – не твоё предназначенье.

Но ты плывёшь – бессмысленно и зло.
Но ты гребёшь, хотя надежды нету...
А не грести – куда бы унесло
течение обезумевшее это?

1995

ПОЛУСТАНОК

Смеркается. Сыро и зябко.
Крест-накрест обвита платком,
в тужурке оранжевой бабка
из будки выходит с флажком.

Состав прогрохочет. И снова
на сто километров – одна.
Заварит чайку травяного
в консервной жестянке она.

И цедит с тоской отрешённой.
И шепчет: «Господь сохрани...»
И – словно пустые вагоны –
за окнами тянутся дни.

1995

Безумной мечтой обольщая,
заманит судьба далеко.
Россия такая большая,
что в ней потеряться легко.

Покуда по свету мотают
шальные тебя поезда,
воздушные замки растают,
песочные – смоев вода.

Спохватишься – пусто на свете.
И жизни замкнулось кольцо.
И злой, обжигающий ветер
свистит и хохочет в лицо.

1995

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Хлопали двери. Звонок выбивался из силы.
Пахло цветами. Стоял целлофановый хруст.
Столько пришло, что на вешалке мест не хватило.
Щёк у меня не хватило для оттисков уст.

Пили шампанское, ели, плясали и пели,
счастья желали, галдели, посудой звеня...
Только один не участвовал в общем веселье –
тот, кто из зеркала грустно глядел на меня.

1995

Деревья уходят в дождями размытую даль –
туда, где земля постепенно становится небом,
где тающим эхом плывёт журавлиная жаль –
всё глуше и глуше, всё дальше – в лиловую небыль.

Вернитесь, деревья, пока вы совсем не ушли
за край мироздания, листвою следы заметая.
Где б я ни стоял, там всегда середина земли.
И мне никогда, никогда не добраться до края.

1995

Как слепой с немим поводырём,
ничего не знаю наперёд.
Может быть, за этим вот углом
счастье неожиданное ждёт?
Может быть, судьба моя стоит
в двух шагах, как в невозможном сне?
Может быть, она уже летит –
пуля, предназначенная мне?..

1995

Среди сиреновой весны,
не видя ничего,
сидит у каменной стены
живое существо.
Вздыхает, шапку теребя,
не поднимая век.
И что-то шепчет про себя –
совсем как человек.

1995

Порази язык мой немотою –
я боюсь, боюсь его уже!
Как бумага вынесет такое,
что терпеть невысказано душе?

Дар, несущий только боль и муку.
Жар, испепеляющий нутро...
Господи! Да ты ль вложил мне в руку
это сатанинское перо?

1995

Дожди. Гастроли переносятся.
Горпарк закрыли до весны.
Сады, обобранные дочиста,
как будто кладбища грустны.

Тупая бестолочь житейская.
Тоска, сверлящая висок.
Ночами, как струя летейская,
шумит печальный водосток.

По дому бродит одиночество,
скулит и трётся о порог.
А жизнь всё время переносится
на неопределённый срок.

1995

Как ветер шальной переменчива,
судьба отобьётся от рук.
Покинет любимая женщина,
забудет единственный друг.
Исполнятся злые пророчества,
закатится счастья звезда...
И только твоё одиночество
тебя не предаст никогда.

1995

СОНАТА № 2

Засохший чернобыл.
Земли замёрзшей комья...
Я прошлое забыл,
а будущее помню.
И рад забыть бы, но
никак не удаётся.
Там – в будущем – темно
и глухо, как в колодце.
Стучат комки земли,
стихая постепенно.
И чей-то плач вдали.
И – музыка Шопена...

1995

Как страшно одному
Перед листом бумаги.
Она бела, как смерть,
она, как жизнь, пуста.
И что мне делать с ней?
И где мне взять отваги
коснуться белизны
дрожащего листа?

Но первые слова –
пока еще неясно –
забрешат в глубине...
И распахнётся твердь...
И я уже не здесь.
И надо мной не властны
безжалостная жизнь
и ласковая смерть.

1995

Чем слаще плоды от запретного древа,
тем злей и коварней пьянят.
Мы всё перепутали – рай не налево,
а то, что направо – не ад.

Но если пригублена чаша – негоже
бросать, не испив до конца.
Уже сожжена лягушиная кожа
и боль опалила сердца.

Я, может быть, полмирозданья разрушу,
себя не сумев обрести.
Но только не надо спасать мою душу –
я сам её должен спасти.

1995

Сквозь грады и веси, сквозь дни и века
два странника движутся издалека.

Седые брады ниспадают на грудь.
Немалый, похоже, им выдался путь.

– Откуда вы, старцы, сюда забрели?
– С другой стороны запредельной земли.

– Скажи, почему ты смеёшься, отец?
– Я смысл мироздания постиг наконец.

– А ты почему опечален, старик?
– Я смысл человеческой жизни постиг.

1995

Обмани меня, проведи,
как последнего дурака.
Но взаправду не уходи,
как уходят в ночь облака,
как уходят во тьму берега,
как уходит в пропасть река,
как уходит спасательный круг
из уже холодеющих рук...

1995

Ходит бестолочь, подбочась,
смотрит искоса, как на вошь.
Гой ты, Русь – по колено грязь!
Гой ты, Русь – князей не сочтёшь!

Ветер гибкую гнёт ветлу,
изгаляется, как злодей.
Я устал покоряться злу.
Я хочу полюбить людей.

Обносилась душа до дыр.
Вот и делай теперь что хошь.
Гой ты, Русь – вековая дурь!
Гой ты, Русь – в голенище нож!

1995

МАРСИЙ

Не лезь из кожи, Моцарт козлоногий, –
и гениям положен свой предел.
Ты знаешь, чем одаривают боги
тех, кто тягаться с ними захотел.

Дрожит рука. И пальцы, как медузы,
скользят, не попадая на лады.
Сигнала ждут подкупленные Музы.
Наяды в страхе жмутся у воды.

Играй, флейтист, – не облажайся сдуру,
оттягивай последний свой поклон.
Играй, пока с тебя не спустит шкуру
зевающий от скуки Аполлон.

Ты будешь биться и визжать, как заяц,
забрызгав кровью руки палача...
Но – всё-таки – ты видел, видел зависть,
блеснувшую в божественных очах.

1996

В небо воспалённое кричу.
Роюсь в остывающей золе.
Кто посмел придумать эту чушь
о грядущем рае на земле?

Раскалились, яростно кружа,
стрелки в обезумевших часах.
Что тебе мерещится, душа,
в необетованных небесах?

Вот мой посох. Вот моя сума.
И судьба, сошедшая с ума.
Злая кровь. Дремучая тоска.
Голубая жилка у виска...

1996

Разве я не был ровней птицам и облакам?
Как ни машу руками, что-то мешает взлёту –
то ли земля сырая, липнущая к ногам,
то ли закон Ньютона, то ли – ещё кого-то.

Господи! Кто я? Что я? И для чего живу
в мире, где даже солнце в небе висит без смысла,
в мире машин и тюрем, прачечных и ЖЭУ,
в мире, где всюду стены, кодексы, цифры, числа?

Может быть, и не стоит биться о стену лбом?
Может быть, просто палку я перегнул немного?
Может быть, так и надо – служба, зарплата, дом?
И никакого неба? И никакого Бога?..

Я не желаю неба. Я не хочу в него.
Пусть оно грохнет оземь, как голубая глыба.
Если и понял кто-то истинный смысл всего –
ради всего святого, пусть будет нем, как рыба.

1996

Земля и небо...
Две стороны одной монеты,
что закатилась
в щёлку вечности.

1997

Хожу по чужим дорогам.
Живу по чужим законам.
Твержу чужие слова...

И только плачу
своими собственными
слезами.

1997

Сколько можно! –
Куда ни пойду –
езде и всюду всё тот же
надоедливый,
неотвязчивый
я...

1997

На дне твоих глаз глубоких,
зелёных, как Чёрное море,
такие острые камни.

1997

О, философы! Кто им позволил
над родом людским измываться?

Ляпнет нечто какой-нибудь грек
где-нибудь в древнем Эфесе,
а ты отдувайся –
лезь и лезь до скончания дней
в эту чёртову реку...

1997

Дверь открываю. И осень
по лицу меня хлещет с порога
холодной и влажной ладонью.

За ночь земля постарела,
обрюзгла, осунулась вся,
словно с большого похмелья.

Как фантики от конфет,
под ногами валяются листья.

1997

Не ищите меня на земле –
я сюда забредаю не часто.
Ну а если найдёте случайно –
не топчите меня сапогами,
не ломайте мне белые крылья,
потому что – живой или мертвый –
я отсюда опять убегу.

1997

Стоит проснуться и веки
приотворить –
тут же сон забываю.

Только мерещатся смутно
чьи-то неясные тени,
чьи-то размытые лица,
обрывки бессвязных слов...

Словно стирается с плёнки
какая-то свежая запись,
какая-то важная очень,
опасная слишком улика.

1997

Радетели мои и доброхоты
с очами, источающими ласку,
с устами, истекающими мёдом,
меня оберегают неусыпно
от каждого неправильного шага,
от каждого неверного движенья,
от каждого сомнительного слова.
Оберегают и оберегают –
хоть тресни, хоть умри – оберегают,
как стражники оберегают зэка,
как берега оберегают реку
от превращенья в море...

1997

РАКОВИНА

К раструбу завитому
прикладываю ухо...
Слушаю музыку моря,
рокочущего внутри,
неба, воды и ветра
вечноиграющую пластинку...

Как жалко,
что мне не придется
дослушать её до конца.

1997

Наяривает музыка в горпарке.
Снуёт народ, разбуженный весной.
Ручьи блестят, как россыпи Клондайка.
Мальчишка в новых башмаках
бежит по лужам, поднимая брызги...

А я стою у красного забора –
всему и всем чужой и посторонний.
Для жизни – стар.
Для смерти – слишком юн.

1997

Всё образуется.
Всё вернется на круги своя.
Даже если ты этого сам не желаешь.
Жизнь встанет на ноги
с затёкшей и сплюснутой от тяжести головы.
Всё вернется.
И снова
будет каждому волку по своему лесу,
каждому овощу – по своему времени,
каждой бабе – по своему возу...

1997

Как трава сквозь асфальт,
продираюсь куда-то
сквозь глухое отчаянье бытия...

Что же там –
за самым последним пределом? –
Ослепительный свет?
Или новая тьма,
что ещё беспросветней,
чем эта?..

1997

Я вздрагиваю
от неожиданного прикосновенья.

Это ветер,
задевший меня случайно
концом шелестящей ветки.

Он отворачивается и уходит.
Ему ничего от меня не нужно.

Что ему я,
если столько на свете ветвей,
цветов,
облаков...

1997

Она всегда настигает внезапно –
как электричество,
как выстрел из-за угла,
как прозреньё.
Вдруг замечаешь однажды,
что она уже здесь –
рядом, вокруг, везде,
в воздухе, в облаках, под ногами...
И ты понимаешь,
что спастись уже невозможно.
И поднимаешь глаза к невозможному небу.
И шепчешь её невозможное имя:
– Весна!..

1998

Всё улеглось, отболело.
Жизнь начинается с чистой страницы.

Щурясь от яркого света,
я открываю калитку в новорождённый мир.

Мать смеётся мне из окошка,
машет рукою, что-то кричит вдогонку...

Мне бы остановиться,
переспросить, расслышать...

Но именно в этом месте
я всегда просыпаюсь...

1998

О времени быстробегущем
продумал всю ночь,
в законную темень уставясь.

И дёрнуло ж эту старуху
назвать меня сослепу вдруг
молодым человеком!..

1998

Декабрь переживём. А следом – и январь.
А там, глядишь, зима сыграет в ящик вскоре.
Бывает злее боль. Бывает горше горе.
Господь, он любит нас, как всю живую тварь.

Вот камушек лежит. Но он не мёртв, а жив.
Вот дерево стоит. И в нём душа живая.
А если мнится мне, что окаменеваю,
то это от тоски и от вселенской лжи.

Что делать, на земле сегодняшней – не рай.
Прошедшее – мертво. Грядущее – жестоко.
Я подставляю вновь судьбе другую щёку.
Коль выживу – прости. А не смогу – прощай.

1998

Я жил в мифологической стране,
где идола сияли в вышине
и бог вранья был первым в пантеоне,
где все ходили по одной струне,
где каждый знал, что истина в вине
и был готов к труду и обороне.

Но рухнул миф. А с ним – весь этот бред
фанфар и труб, и пирровых побед.
И всё предстало в свете настоящем.
И правда тяжело выбралась на свет
из-под глухих напластований лет –
ужасная, как мезозойский ящер...

1998

Проливные дожди не спасают от боли и грусти.
И вино не спасает. Ничто не спасает теперь.
Хоть бы кто заявился в глухое моё захолустье,
взял за шиворот, выволок силой за дверь,
где закончился дождь, где на небе сверкает
Венера...

На Венере у них – бесконечная Эра любви...
А у нас на Земле – всё ещё Кайнозойская эра,
всё ещё обезьяны не сделались толком людьми.

1998

Один и тот же свет.
Одна и та же тьма.
Один и тот же бред,
сводящий всех с ума.
Единая юдоль.
Единосущный грех.
Одна и та же боль –
на всех...

1999

Научи меня языку деревьев,
птиц и цветов,
облаков и зверей...

Но не отнимай у меня взамен
речи моей человеческой.

1999

Правду о земле и о небе
хотел я тебе поведать.
Но ты сказала: «Молчи!
Не будь таким бессердечным!
Если узнаю правду,
как смогу я тогда
ходить по этой земле,
глядеть в это небо?»...

1999

Удача не любит меня –
убегает, как от чумного.

Прежде я злился,
выходил из себя, бросался в погоню...
Да где там – разве за ней угнаться?..

А потом я сказал себе: стоп!
Безнадёжное это дело.
Подожду-ка я здесь, на месте.
Рано иль поздно она сама на меня наткнётся.

А куда ей деваться
на этой земле –
круглой,
как голова идиота...

2001

Давай не будем умирать –
совсем и никогда.
Ещё стихам тесна тетрадь
и Муза молода.
Ещё на каждый твой вопрос
есть у меня ответ.
И сладко лгать, что жизнь – всерьёз,
а смерти – вовсе нет.
И что камня собирать
не подошла пора...

Давай не будем умирать –
хотя бы до утра...

2003

...В-четвёртых, я неправ –
всегда и непреложно,
фатально и во всём,
везде, куда ни кинь.
И это факт, как то,
что шпага любит ножны,
как то, что слово «ян» –
синоним слова «инь».

А в-пятых, я давно
и безнадёжно спятил,
раз выбрал эту жизнь,
похожую на смерть,
раз не устал ещё
долбиться, словно дятел,
упрямой головой
о жизненную твердь.

2003

Дай мне знак, если я заступлю за черту,
удержи, если я поверну не туда.
Так легко оступиться в свою пустоту,
из которой уже ни за что, никогда...

Я давно не живу – избываю вину.
По ночам просыпаюсь в холодном поту...
Разреши мне подняться в твою глубину.
Помоги опуститься в твою высоту.

Эти страхи пройдут, как другие прошли.
Эти звезды сгорят, ни о ком не скорбя.
Словно странник, добредший до края земли,
загляну в пустоту – и увижу...

2003

За воскресеньем наступит вторник.
А, может, пятница?.. Или среда?..
Сгребают в холм колченогий дворник
листву, опавшую в никуда.

За утром сразу же будет вечер.
А, может, полночь?.. Не всё ль равно?..
В окне моём почему-то вечно
одно и то же дают кино.

Слепые стены да небо злое.
Что день, что ночь – наплевать уже.
А дворник, сволоочь, скребёт метлою
не по асфальту, а по душе.

И я с небритой и мятой рожей
срываю сутки с календаря
судьбы, что я почти уже прожил
почти за зря...

2003

Ни желаний, ни идей.
Жизни вялые потуги.
Что ж ты хочешь от людей
на исходе Кали-юги?

Что ж ты хочешь от меня –
нелюдимого и злого,
за семьсот четыре дня
не родившего ни слова?

Поголовно всех любя,
Бог возьмет нас на поруки.
Что ж ты хочешь от себя,
опускающего руки?

Счастья хочешь? Так иди –
ковыляй своей дорогой...
Только душу не буди.
Только совести не трогай.

2003

Я виноват перед тобой,
как ты передо мной.
Так быстро вертится рябой
и тусклый диск земной.

Так быстро, что ни я, ни ты
друг другу не видны,
как черепахи и киты,
и прочие слоны.

Нет ничего – ни нас с тобой,
ни вечности, ни сна...
Есть только вечная любовь
и вечная вина.

2004

Ахилл быстроног. Черепаха тупа и ленива.
Но жизнь наобум раздает призовые места.
Всё как-то не так – то не к месту, то косо,
то криво.
И где эта чёртова финишная черта?

Иные отбегались... Мир их забытому праху.
В анналах о них не осталось, увы, ничего...
Ахилл никогда не догонит свою черепаху,
как я никогда не настигну себя самого.

2004

Вода огонь в себе таит,
как ангелы – чертей.
И жизнь большая состоит
из маленьких смертей.

Снедая дух, пирует плоть.
Слепы поводыри.
И бьётся запертый Господь
у каждого внутри.

2004

Те, кто за нами, – умней
наверняка.

Тем, кто за нами, – видней
дни и века.

Тем, кто за нами, – трудней
в тысячу раз.

Тем, кто за нами, – больней –
за нас...

2004

Жили-были, поживали.
«Тили-тили, трали-вали...»
То ли были, то ли жили...
«Трали-вали, тили-тили...»

Жили-были, пили, ели.
Что-то пели, как умели.
То смеялись, то рыдали...
«Тили-тили, трали-вали...»

Жили-были, поживали,
кровь за что-то проливали,
проклинали и любили...
«Трали-вали, тили-тили...»

Жили-были, жили-были...
Два цветочка на могиле.
Фотография в овале...
«Тили-тили... Трали-вали...»

2004

Время дрейфить не даёт,
лить елей и слёзы лить,
и на этот свет и тот
неделимое делить.

Время камни собирать
и сжигать чистовики.
Трудно жить и умирать.
Остальное – пустяки.

2007

Знаешь, любимая,
когда-то я был человеком,
жил в большой и светлой квартире,
ездил в метро на работу,
пил в кафе на Литейном
крутой обжигающий кофе,
читал Платона и Гераклита..
И даже писал стихи...

Что, не веришь?
Ну почему ты опять не веришь?
Дай хотя бы представить,
что всё это было когда-то,
что всё это было взаправду,
что всё это было на самом деле...

Только не смейся, пожалуйста,
и щупальцем не крути у виска...

2007

Это – всего-лишь стихи.
Это – всего-лишь слова.
Хриплые, как мехи.
Хрупкие, как трава.

Трепет пугливых строф –
жизнью на волоске.
Это – всего-лишь кровь,
спёкшаяся на листке.

2007

Выжгли старую траву.
Чёрная стерня...
Всё живу, живу, живу,
не боюсь огня.

Всё гляжу на этот свет,
льющий свысока...
Мне всего пятнадцать лет...
после сорока.

2008

A POSTERIORI

Я должен всем. А мне – никто.
Сие неправильно. Зато
честнее, чем наоборот.
Таков закона бутерброд.

Я прожил жизнь и сяк и так,
по части счастья не мастак.
А то, в чём я мастак, оно
туманно, призрачно, темно...
И после суеты земной
уйдёт со мной...

2011

Не становлюсь моложе.
Не делаюсь умней.
А бисер – всё дороже.
А свиньи – всё жирней.

2012

И упаду я на
шар этот голубой.
И кончится война
меня с самим собой.
И вся эта фигня –
то бишь и тьма и свет..
Поскольку без меня
ни тьмы ни света нет.

2012

SILENTIUM

Вот-вот от тишины
взорвётся голова.
На кой они нужны –
треклятые слова?..

Безмолвия печать...
Неизреченья спуд...
А может быть, молчать –
и есть мой главный труд?..

2012

МИКРОКОСМ

Ложкой в стакане
я поднял ужасный шторм.
А когда разглядел
на тонущей утлой чайнке себя –
было поздно уже...

2012

Татьяне

Между тобой и мной
нет расстоянья.
Ближе, чем я и ты,
только лишь ты и я.
Ты снизошла с небес,
как воздаянье,
в оторопь моего
скудного бытия.

Тёмная высь поёт
агелов голосами.
Не чересчур ли жизнь
милостива со мной?
Чем расплачусь теперь
я с небесами?
Кровью своей? Душой?
Жизнью самой?

Я бы сказал тебе,
что без тебя сдохну,
если б имела смысл
слов шелуха,
если бы из груди
не уходил воздух,
если бы не пере...
хватывало дыха...

2013

СОДЕРЖАНИЕ

«Ещё не успели проститься...»	7
«В Летнем саду осыпаются липы...»	8
«Неужели я буду когда-то...»	9
«Может, это и есть оно – счастье...»	10
«Никуда не уйти от бывшего...»	11
«Тихий свет в окне заиндевелом...»	12
«К друзьям навевываясь в гости...»	13
«Туман гуляет по долине...»	14
«Аукает ветер в пустых подворотнях...»	15
«Скоро уж слышно не станет...»	16
ПАМЯТИ МАТЕРИ	17
«Как шумные стаи кочующих птиц...»	20
«В переулке безлюдно и глухо...»	21
«Вздыхая потихоньку и ворча...»	22
«Дорога тянется к закату...»	23
«Полусобака-полуволок...»	24
«Здесь белая церковь когда-то была...»	25
«В бесцельной сутолоке...»	26
«Зачем ты ходишь по аллее...»	27
«Будет ночь соловьёв и зарниц...»	28
«Гасит дождь осенние костры...»	29

«Мир накренился в крутом вираже...»	31
«Я искал тебя долго такую...»	32
ПЕРЕЕЗД	33
«Хорошо живётся Сане...»	34
«Последние стаи летят...»	36
«Я не хочу молиться...»	38
ШАРИК	39
1937.....	41
«В деревне этой дикая тоска...»	43
«Упаду на жёсткую траву...»	44
«Над поверженным злом торжествуя...»	45
«Шимпанзе не хочет есть селёдку...»	46
«В этой сказке простой и банальной...»	48
«Убереги меня от злости...»	49
«И снова этот сон зловещий...»	50
«Эта птица как ночь темна...».....	51
«Свободы нет. Искать её – нелепо...»	52
«Эта мысль настигает везде...».....	53
«Время в прах обратит города...»	54
«Этот холод во мне...»	55
«Ты не жди меня под вечер...».....	56
«Разлетайтесь, вороны...».....	57
«Когда душа взмывает в поднебесье...».....	58
«Отдавать долги приходит время...»	59
«Золотая труха листопада...»	60

«Что-то уходит из нас постоянно...»	61
«За этой рекою широкой...».....	62
«Что принесёт нам этот новый год?...»	63
«А когда возмездие придёт...»	64
«И обожжёт тебя однажды...»	65
«Так случилось...»	66
«Февраль сошёл с ума...»	67
«Мироздания тьма немая...»	68
ЛАЗАРЬ	69
«Ночь ворочается глухо...»	70
«Не всё ли вам равно...»	71
«Пока сияет синий окоём...»	72
«Но если смысла нет, зачем всё это...».....	73
«Опять объегорила подло...»	74
«Город-ирод, город-ворог...»	75
СОН	76
«Нужно чтобы время отстоялось...»	77
АВГУСТ	78
«Душа летает по ночам...»	79
«Осень грядёт...»	80
«Ночь вздыхает, щёлкает, стрекочет...»	81
«В этой жизни злой и бестолковой...».....	82
«В море солнце дымное погасло...».....	83
«Однажды ужасом безмерным...»	84
«Вот и прошла гроза...».....	85

МУЗЫКА.....	86
«Недоступны стены Трои...»	87
«Чем думаешь больше, тем больше вопросов...».....	88
СИНИЦА	89
«Только ветром отпетая степь...»	90
«Нам не нужны слова...».....	91
«Вновь эта боль непомерная...»	92
НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕК	93
«- Темна душа. Тревожен путь...».....	94
«Мгновенье, остановленное кистью...»	95
«Поздно молиться. И каяться поздно уже...»	96
«Когда приближается время Стожарам...»	97
«Я переживу горе и беду...»	98
«Прошло. Пролетело. Промчалось...»	99
«Кто этот отрок с ясными очами...».....	100
«Вот и кончился антракт...».....	101
ЭЛЕГИЯ.....	102
«Последние вздохи зимы...».....	104
ТЕЧЕНИЕ	105
ПОЛУСТАНОК.....	106
«Безумной мечтой обольщая...».....	107
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ.....	108
«Деревья уходят в дождями размытую даль...»	109
«Как слепой с немим поводырём...»	110
«Среди сиреневой весны...».....	111

«Порази язык мой немотою...».....	112
«Дожди. Гастроли переносятся...».....	113
«Как ветер шальной переменчива...».....	114
СОНАТА № 2.....	115
«Как страшно одному...».....	116
«Чем слаще плоды от запретного древа...».....	117
«Сквозь грады и веси, сквозь дни и века...»	118
«Обмани меня, проведи...».....	119
«Ходит бестолочь, подбочась...».....	120
МАРСИЙ.....	121
«В небо воспалённое кричу...».....	122
«Разве я не был ровней птицам и облакам?...».....	123
«Земля и небо...».....	124
«Хожу по чужим дорогам...».....	125
«Сколько можно!...».....	126
«На дне твоих глаз глубоких...».....	127
«О, философы! Кто им позволил...».....	128
«Дверь открываю. И осень...».....	129
«Не ищите меня на земле...».....	130
«Стоит проснуться и веки...».....	131
«Радетели мои и доброты...».....	132
РАКОВИНА.....	133
«Наяривает музыка в горпарке...».....	134
«Всё образуется...».....	135
«Как трава сквозь асфальт...».....	136

«Я вздрагиваю...»	137
«Она всегда настигает внезапно...»	138
«Всё улеглось, отболело...»	139
«О времени быстробегущем...»	140
«Декабрь переживём. А следом и январь...».....	141
«Я жил в мифологической стране...».....	142
«Проливные дожди не спасают от боли и грусти...»	143
«Один и тот же свет...».....	144
«Научи меня языку деревьев...»	145
«Правду о земле и о небе...»	146
«Удача не любит меня...»	147
«Давай не будем умирать...»	148
«...В-четвёртых, я неправ...»	149
«Дай мне знак, если я заступлю за черту...».....	150
«За воскресеньем наступит вторник...».....	151
«Ни желаний, ни идей...».....	152
«Я виноват перед тобой...».....	153
«Ахилл быстроног. Черепаха тупа и ленива...».....	154
«Вода огонь в себе таит...».....	155
«Те, кто за нами, умней...».....	156
«Жили-были, поживали...»	157
«Время дрейфить не даёт...».....	158
«Знаешь, любимая...».....	159
«Это – всего-лишь стихи...»	160

«Выжгли старую траву...»	161
A POSTERIORI.....	162
«Не становлюсь моложе...».....	163
«И упаду я на...».....	164
SILENTIUM.....	165
МИКРОКОСМ	166
«Между тобой и мной...».....	167

Котеленец Валерий Степанович

РУКОПИСЬ
ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Издается в авторской редакции

Фото А. Луковского
Оформление В. Котеленец
Корректор Е. Федькина
Верстка Т. Афанасьева

Подписано в печать 12.10. 2015 г. Формат 70x100/32
Гарнитура Myriad Pro. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 500 экз. Заказ № 4801

Отпечатано в типографии ОАО «Алтайский дом печати»
656043, г. Барнаул, Б. Олонская, 28

РУКОПИСЬ

Валерий Котеленец родился в 1954 году в городе Асино Томской области. В начале 60-х годов переехал с семьей на Алтай. Работал слесарем на заводе, монтировщиком сцены и актером в кукольном театре, сторожем, дворником, санитаром "скорой помощи", уполномоченным Бюро пропаганды художественной литературы, художником-оформителем. Автор семи книг поэзии и прозы. Лауреат муниципальной премии г. Барнаула за роман "Ангел-хранитель" (2002 год), ежегодной премии журнала "Урал" за роман "Лилия долин" (2012 г.) и др. С 1996 г. по 2013 г. руководил литературной студией. Член Союза писателей России. Живет в городе Барнауле.

AK

